

Мы оказались в мире соглашений и оппортунизма, где имеются различия, но нет противостояний. Каждый имеет право на индивидуальность и оригинальность - но эти индивидуальные различия не формируют никакой общей структуры отношений. Исторически в этой проблематике явно видна механика и система индивидуации, противостоящая идее общности. Индивидуация в архитектуре, и не только, осуществляется на разных уровнях социокультурной иерархии.

Ключевые слова: архитектура; оппозиции; позиции; индивидуация; общность; имя; группа. /

We find ourselves in a world of agreements and opportunism, where there are differences but no oppositions. Everyone has the right to individuality and originality, but these individual differences do not form any common structure of relations. Historically, the mechanics and system of individuation, which opposes the idea of community, is clearly visible in these problematics. Individuation in architecture, and not only, takes place at different levels of the socio-cultural hierarchy.

Keywords: architecture; oppositions; positions; individuation; community; name; group.

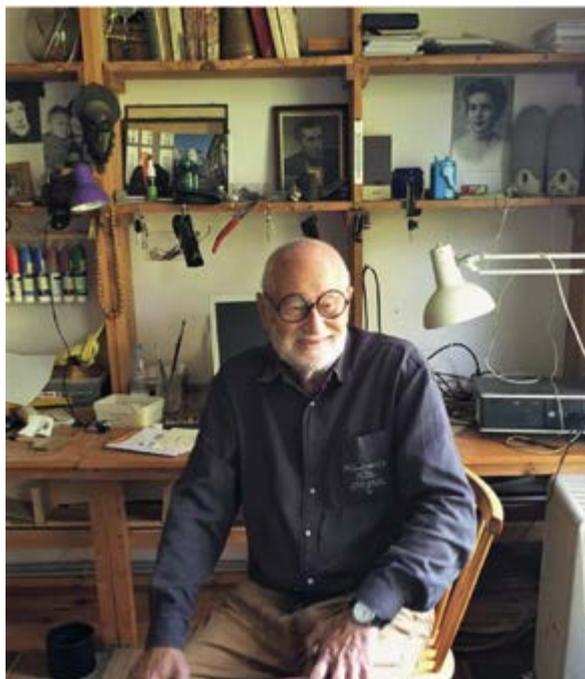
Позиции и оппозиции / Positions and oppositions

текст

Александр Раппапорт
Союз московских архитекторов; Союз дизайнеров России /

text

Alexander Rappaport
Union of Moscow Architects; Union of Designers of Russia

В США в течение нескольких лет завоевал себе славу передовой теоретической трибуны журнал «Оппозиции». Но что стоит за этим словом? Прежде всего за ним стоит убеждение, что архитектурный мир и мысль можно разделить на какие-то творческие и идеологические течения как позиции, которые, отстаивая свое кредо и видение прошлого и будущего, не совпадают с друг с другом и образуют, таким образом, структуру оппозиций. Выявлению и обсуждению этой структуры и мог бы посвятить себя журнал, цель которого была бы уже не столько в обострении противоречий, но в рассмотрении их как структурно-го целого.

Смысл этого целого как единства мог бы быть выражен в понимании того, что мир, культура и архитектура в начале третьего тысячелетия переходят в качественно

новую фазу или ступень и что понимание этой новой эры не выработано, хотя есть несколько проектов или концептуальных подходов, в дискуссии между которыми и можно было бы нащупать контуры новой эры.

Стоит подчеркнуть, что это общее понимание не имеет оппозиций. То есть мы едва ли найдем группы или индивидуальные позиции, с точки зрения которых ничего такого нет и быть не может, и никакой общей линии формирования новой парадигмы обсуждать нет смысла. Это было бы возможно, но такой позиции, пожалуй, мы пока что не видели.

Мы оказались в мире соглашений и оппортунизма, где имеются различия, но нет противостояний. Каждый имеет право на индивидуальность и оригинальность, но эти индивидуальные различия не формируют никакой общей структуры отношений. Возможно, что именно поэтому журнал «Оппозиции» и прекратил свое существование.

Этот случай крайне интересен, ведь, с одной стороны, за всяким сохраняется право на оригинальную позицию. Но право это реализуется в частности, между которыми нет принципиальных различий в понимании целого. Все сводится к описанию или в лучшем случае классификации и систематизации позиций, но до структурного противостояния дело не доходит – индивидуальные позиции можно описать совокупностью признаков, но из этого никаких структурных выводов сделать не удастся.

В начале XX века ситуация была иной и творческие интенции сами по себе стремились воплотиться в оппозиции, например урбанистов и дезурбанистов. Даже в целом авангард оказался тогда в оппозиции к традиции. Теперь ничего подобного нет: всюду действует принцип сочетаемости и вседозволенности, можно быть и архистомом, и новатором, не чувствуя ни малейших неудобств. Архитекторы ориентируются не на движения и позиции, а на индивидуальности. Мне часто приходится слышать в ответ на мои жалобы, что архитектура-де умирает, живые возражения, что вот в таком-то городе она живет и воплощается в деятельности такого-то замечательного человека.

Дисперсная сеть индивидуальностей, не объединенных групповыми ценностями и изъятых из оппозиционных внутренних структур, оказывается своего рода хаосом,

в котором нет не только пророков, но и общих норм мышления и поведения, отчего нормы поведения складываются независимо от творческих убеждений. В качестве ориентиров выбирается нечто другое – политические и нравственные ценности, а то и просто характерный образ жизни, тяготеющий к театральной или артистической богеме.

Исторически в этой проблематике явно видна механика и система индивидуации, противостоящая идее общности. Индивидуация в архитектуре, и не только, осуществляется на разных уровнях социокультурной иерархии.

Самый нижний, пожалуй, находится на уровне индивидуума с его именем. И этот уровень Имени (Сократа, Аристотеля, Парменида...) никогда не растворится в общем понятии античной диалектики. Имена Ле Корбюзье, Миса ван дер Роз – в понятиях архитектурного авангарда. Однако в настоящее время имя индивидуального архитектора – особенно «стархитектора» – уже перестало нуждаться в такой «партийной» принадлежности.

Сегодня самооценка архитектора измеряется не причастностью к какой-то группе или течению, а лишь к степени успеха на рынке и известностью в профессии. Эта схематика индивидуации продолжается, идя от индивида вверх, в более широкие и общие категории – в название группы или течения, затем в категории стиля или направления, а выше – уже в категории культур или эпох.

Однако эта схематика и ее механика не так уж просты. Существуют индивидуальные имена, логически ни с какой групповой общностью не связанные. Например, победительницы конкурса на титул «Мисс Мира» имеют собственные имена, но они ничего не значат. А вот имена Магомета или Иисуса, бывшие некогда индивидуальными, сделали сами именами гигантских социально-культурных общностей.

В архитектуре поворот от имен к группам был осуществлен авангардом с его педалированием групповых ценностей. Затем в рамках этих групп вновь стали выходить на первый план индивидуальные имена вроде Малевича или Татлина. Но в середине XX века начался обратный тренд – в пользу анонимности. Его начали в свое время Диана Агрест и Марио Гандельсонас, выдвинувшие на первый план научные и философские основания архитектуры. И этот тогда крайне новаторский шаг был подхвачен бюрократией, особенно в тоталитарных странах, где существовал своего рода цензурный контроль над именами.

В СССР и России эта линия на анонимность продолжается под лозунгом научного подхода, а имена стали производиться не самими индивидами, а бюрократической системой и ее принципами выдвижения руководителей. Так это происходит и сегодня, где имена делаются на келейных заседаниях.

Наука и философия сделали единственными основаниями культурной анонимности при условии забвения становления самой науки, когда последняя отделилась от своих гениев и обрела статус независимого и индивидуального начала. В реальной истории, естественно, это было не так, и индивидуальные имена не только реально развивали науку в борьбе групп и направлений, но и входили в тело самой науки в качестве новых обезличенных понятий – ом, ампер, вольт, ньютон и пр. В архитектуре такой терминологической фиксации личности не сложилось.

Далее наряду с наукой в область обобщенных категорий, детерминирующих архитектурное и художественное творчество, стала входить феноменология. Феноменология оперировала безличными категориями сознания, хотя сам феномен индивидуальности при этом даже повышала, так как феномены оставались в сфере индивидуального сознания.

Следующий шаг обобщения инициатив творческого мышления сделала лингвистика и выросшие из нее семиотика и структурализм, так как в категориях языка индивидуальность (автора и читателя) вновь уступила место структурам обезличенных элементов семантики и синтаксиса. Но структура рыночной культуры и рекламы постепенно вернула имена в качестве «брендов». Новые имена-бренды сохраняли свойства индивидуального мышления, но само это новое псевдомышление лишилось своих конститутивных моментов – логики, ценностей, исторических конфликтов.

Так постепенно действительная роль индивидуума и его имени в культуре превращалось в торговую или модную марку-символ. Попадая в сферу самосознания, это превращение изменило и самую логику развития индивидуального мышления: на первое место встала не верность общим принципам, а присвоение принципов личным именем.

На рубеже веков и тысячелетий вся эта историческая диалектика обретает огромный смысл, так как вопрос индивидуации – как творчества, так и восприятия – становится системообразующим новой парадигмы, в которой уже произошел отказ от категории «прогресса» как доминирующего понятия. Но за отказом от прогресса неминуемо следует и разрушение всех обобщенных категорий культуры.

Сегодня этот процесс очень ясно ощущается в возвращении к категориям, господствовавшим до эпохи Просвещения, а именно в выдвижении на место универсалий категории нации, вероисповедания, расы и пр.

Проблема, таким образом, состоит не в новом культе личности внутри профессии (последняя все еще претендует на форму индивидуации и оппозиций) или вне профессии, а в уяснении механизмов соотношения индивидуализирующих и обобщающих категории мышления и деятельности. Задача эта не из простых, но, не найдя ключ к ее решению, нам не удастся выскочить из губительной стихии истребления имен и индивидуальных позиций.

Эти вопросы теснейшим образом связаны как с творческим мышлением, так и с рефлексивным восприятием – в обоих случаях в ней конкретизируется проблема: кто я – кто ты? Одновременно именно эта проблематика и становится стрелой новой пропедевтики, в наше время полностью лишенной рефлексии самопознания.

Нужно иметь в виду масштабы оппозиций. Иногда оппозиции работают как стимулятор поисков, увеличивая локальную и тотальную энергетическую ситуацию. Но результаты работы этой энергии могут не совпадать с расстановкой сил на какой-то момент, и потому историки скептически смотрят на локальные оппозиции. Тут речь должна идти не об ошибках, а о контроле над масштабам анализа.

Иногда на место позиций и оппозиций встают социокультурные группы, оказывающие влияние на общественное мнение: авторитетные и модные журналы, патристические и модные течения, светское общество и разного рода «тусовки». В России они разделялись на более официальные, связанные с деятельностью бюрократических институтов или партийных структур (союзы, академии и пр.), и спонтанные, группирующиеся вокруг лидеров.

Литература

1. Рappaport, A. Кан и XX век // Проект Байкал. — 2019. — № 59. — С. 146–149
2. Багина, Е. Рappaport, A., Хмельницкий, Д. Сиротство авангарда. — Екатеринбург : Tatlin, 2016. — 228 с.

References

- Bagina, E. Rappaport, A., & Khmel'nitsky, D. (2016). *Sirostvo avangarda [Orphanhood of the Avant-garde]*. Yekaterinburg: Tatlin.
- Rappaport, A. (2019). Kahn and the XX century. *Project Baikal*, 16(59), 146-149. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1451>